

В статье дается общетеоретическая характеристика утопий, утопического сознания и стратегий. Анализируется диалектика утопии и антиутопии, стратегии и тактики в реальной советской истории и политике. Выделяются три вида утопии в истории России, устанавливается их связь со стилями Западного мира соответствующих периодов. Социальное пространство репрезентирует наиболее существенные черты советской утопии; в нем обнаруживается отсутствие преемственности. Профессиональные черты архитектуры также демонстрируют внутренне противоречивую природу.

Ключевые слова: утопия и антиутопия; естественное и искусственное устройство; будущее; город; архитектура; устойчивое развитие; стратегия и тактика советской утопии. /

The article gives a general theoretical assessment of utopias, utopian consciousness and strategies. It analyses the dialectics of utopia and anti-utopia, as well as strategies and tactics in the real Soviet history and politics. It features three types of utopia in the history of Russia and their connection with the styles of the Western world in corresponding periods. The social space represents the essential features of the Soviet utopia; it lacks the succession. Professional characteristics of architecture also have internal contradictions.

Keywords: utopia and anti-utopia; natural and artificial structure; future; city; architecture; sustainable development; strategy and tactics of the Soviet utopia.

Три утопии (памяти СССР посвящается) / Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR)

Практика организации пространства, собственно пространство, сформировавшиеся на протяжении 70 с лишним лет советской власти, решительно отличались от того, что существовало в досоветские времена и складывается теперь. Эти отличия заключены в соотношении двух принципиально разных типов пространственного поведения, один из которых можно очень условно считать «естественным», другой столь же условно «искусственным». В естественно складывающихся городах и деревнях преобладают интересы отдельного, частного домовладения и домовладельца, а целое достигается движением снизу, через самоорганизацию собственников земли и домов. Искусственные поселения создаются по заранее намеченному плану, усилиями, направленными сверху вниз. Если движущей силой естественных поселений является общество, то драйвером искусственных становится власть. В итоге реализации этих моделей возникает или нерегулярный средневековый город со сложной сетью улиц, или идеальное поселение эпохи Возрождения.

Естественное пространство, его компоненты и единицы, являются итогом длительного процесса эволюции, цепи проб и ошибок, отдельных дискретных актов и шагов, формирующих культурную норму и следующих этой норме. Искусственное пространство задумывается одновременно как нечто законченное и совершенное, которое надлежит реализовать как можно скорее и с наименьшими отступлениями от первоначальной идеи. Все естественные поселения не похожи друг на друга, даже если расположены неподалеку, как Сиена и Флоренция. Искусственные, где бы они ни находились, часто становятся практически неразличимыми, как спальные районы советских городов.

Искусственное отличается присутствием ясного, видимого, внешне проявленного порядка. Естественное со стороны, внешне, ощущается как мало упорядоченное, но предполагает следование особому скрытому, мягкому и сложному порядку. Искусственное обычно является собой нечто противоположное естественной реальности, которая справедливо полагается далеко не совершенной. Символом, инструментом борьбы с несовершенством становятся прямая улица, прорубленная сквозь тесные

и запутанные естественные города, или прямая дорога, упорно идущая через холмы и овраги. Естественное движется к настоящему по инерции, из прошлого; искусственное стремится в настоящее из будущего. Но если картина прошлого обычно реальна, доступна, конкретна и не предполагает множества толкований, то картина будущего создается из материала воображаемого, идеального, в реальности отсутствующего. Естественное предстает само собой разумеющимся, анонимным, всеми принятым и давно известным. Искусственное обычно персонафицировано и имеет дату рождения. Оно является миру в облике нового, доселе невиданного, может принимать форму как дискретных улучшений, изобретений, новаций и новшеств, так и форму комплексных, разумных, рациональных, системных конструкций, часто именуемых, в отличие от отдельных актов, Утопиями. Творцы Утопий стремятся задать исчерпывающую картину мира, которая охватывает все его уровни – от ближайшего человеку окружения до человеческого сообщества и пространства, понимаемых предельно широко.

Утопии – продукт культуры, порождение воспитанных культурой целей и ценностей, определяющих весь строй жизни. С равным успехом утопии возникали и в религиозной, и в атеистической среде. Утопические модели внутренне бесконфликтны, в них не ощущается грань между достатком и аскетизмом, между прогрессом и архаикой. Светлое будущее сливается здесь с великим прошлым в борьбе с настоящим. Утопии универсальны и обычно не отвлекаются на частности, случайности и исключения.

Утопии не фантазии, не эмоциональные высказывания, с которыми у них немало общего, но, в отличие от фантазий, они предполагают неперенное интеллектуальное наполнение. Утопии не прогнозы, не предвидения и не экстраполяции, но носители принципиально новых качеств и черт новой реальности. Их создают не холодные наблюдатели и бесстрастные аналитики, а герои, «штурмующие небо». Рожденные усилиями одиночек, утопии захватывают сознание власти и воображение общества, трансформируясь в стратегии, политики и национальные идеи. Утопии, или воображаемые миры, страны, города, идеальные и безупречные общества, имеют собственную историю и традицию, свои источни-

текст

**Андрей Боков /
text
Andrey Bokov**

ки вдохновения, свои технологии воплощения и формы существования.

Мифологизированное сознание создателей первых цивилизаций, обитателей древних царств, было, по сути, про- или протоутопическим, отличалось герметичностью, предельной обездвиженностью и специфическим отношением к реальности. Мифы питали, культивировали легенду о Рае, архетип Рая, породивший, в свою очередь, мечту о Рае на земле. Потребность в Рае возникает в ответ на вызов. И Рай, и утопия рождаются из несогласия, протеста, из отрицания смерти и несправедливости. Это реакция на войны, бури, землетрясения и засухи, трансформирующаяся в позитивные и достаточно конкретные картины иного, благополучного бытия. Сторонники и творцы утопий оценивали все происходящее вокруг как нечто хаотичное, неупорядоченное и несправедливое, как своего рода «кад на земле», альтернатива которому неизменно оказывалась радикальной, одномерной и простой.

Рая никто не видел, поэтому картина Рая, а вслед за ней и утопия строятся на императиве, на самых общих, размытых, нередко противоречивых и неопределенных представлениях о правильном мироустройстве. Эти представления обогащаются и конкретизируются как материалом, наличествующем в социуме, его культуре, так и материалом, заимствованным из других источников и культур. При этом собственный материал, питающий утопию, склонен предъявляться в перевернутом виде, становясь обратным реальности, приобретая облик и сходство с вымышленной жизнью далеких стран; в этой интерпретации он сближается с другим популярным источником утопического материала, который связан с мифологизацией «заморской жизни», идеализацией зарубежных земель и народов.

В европейской традиции мечта о рае, архетип рая воплощались институтами монашества, рыцарских орденов и практикой Крестовых походов в Святую Землю. Во времена Ренессанса и Просвещения идея рая была конкретизирована построенными идеальными городами и текстами об идеальных государствах. Утопические системы и построения сыграли решающую роль в формировании Америки и стран Нового света. В XVII–XIX веках складывается целая культура утопий, определяются их канонические очертания, формы предъявления, круг носителей популярных утопических идей от Фурье до Маркса. Особо влиятельными становятся тайные и открытые организации от масонских лож до политических партий, ставящих целью осуществление утопического проекта.

Эссенцией канонических утопий становятся впечатляющие лозунги, самый популярный из которых призвал к «свободе, равенству и братству». К концу XIX столетия культура утопии достигла едва ли не пикового состояния, утвердив ощущение единства мира, воспитав идею мирового правительства, мирового государства, возродив архаическое искусство мирового господством.

С завершением эпохи мировых войн и революций, во второй половине XX века утопическое сознание трансформируется и предъявляет иной тип моделей, наполненных актуальным социальным и экономическим содержанием. Избавившись от множества черт и особенностей прежних, канонических утопий, новые утопии, новые утопические стратегии позволили разрушенным войной странам не только выйти из тяжелейшего материального кризиса, но и породили феномен «экономического чуда», которое было последовательно продемонстрировано миру Западной Германией, Японией, Южной Кореей, Сингапуром и их последователями. Реальностью становится казавшийся неправдоподобным и немислимым проект Евросоюза. Еще более фантастичным, непредсказуемым и неожиданным оказывается успех реформированной

Дэн Сяопином китайской коммунистической утопии.

Новые послевоенные утопии маскируют свой утопизм, памятуя о неудачах предшественников. Они не претендуют на универсальность и охотно отзываются на особенности места и времени. Лозунгами новых утопий становятся благополучие и примирение. Новое поколение утопий всё более чувствительно к состоянию прав человека и всё отчётливее обнаруживает признаки развитого гражданского самосознания. Все эти настроения и события обходят стороной СССР, хранящий верность представлениям давно ушедшего времени.

Черты утопичности обнаруживаются в любом проекте, в любом созидательном акте, содержащем отличие от уже имеющегося. Эти черты представляют особую ценность и, как всякая ценность, они провоцируют появление имитаций и подделок. Созданные Утопии есть нечто хоть и отсутствующее в практике и в предшествующем опыте, но отнюдь не несбыточное или неосуществимое в принципе. Они несут в себе геномы, зачатки, зародыши, ферменты того нового, без чего движение и развитие невозможны. Утопии напоминают изобретения или открытия, но представляют явление особого рода, претендующее на системность и имеющее проектную природу. Это большие проекты будущего, без которых будущее нереализуемо.

Утопии как системы, воспроизводящие картину будущего, видение будущего, распадаются на два относительно независимых слоя, или две подсистемы: социально-экономическую и пространственную. В одних утопических системах доминирует тема общественного устройства, другие сосредоточены на создании новой физической реальности, нового пространственного порядка. К первым следует отнести множество религиозных и политических доктрин, которые объединяет идея достижения всеобщего блага. Пространственные утопии менее популярны, но не менее радикальны и впечатляющи. Это, как правило, поражающие своими размерами огромные сооружения, великие стройки и города будущего, вроде Cite Radieuse (Сите Радиез) Ле Корбюзье и Broadacre City (Бродэйкр-сити) Райта.

«Большой» архитектор – врожденный профессиональный визионер, создатель материала, питающего и наполняющего утопию. Способность выстроить картину будущего сделала архитектора не только союзником политических утопистов, но и относительно самостоятельным творцом утопий, способным выступать с сильными заявлениями и волнующими манифестами. Французская революция, затем русская лишили архитекторов прежних заказов и заказчиков, но разбудили в них спавшую склонность к визионерству, дали ощущение собственной значимости, право на свободные высказывания и то внимание публики и власти, о котором до того не приходилось и мечтать. Архитектурное визионерство дополнило социальные утопии крайне необходимыми им конкретностью, завершенностью и ясностью, напитало новыми образами и новыми идеями пространственного устройства.

Любой из важнейших пространственных объектов – будь то страна, регион или город – строится на балансе и сочетании естественного и искусственного, в том числе утопического, материала. Успешное и устойчивое развитие предполагает умелое «привитие» искусственных ростков к естественно растущему организму, становящемуся в итоге более продуктивным и жизнеспособным. Условием воплощения искусственного, утопического начала оказывается не только способность оценивать реальность и последствия шагов, не только способность установления обратной связи и осуществления быстрой коррекции, но умение использовать энергию и силу естественного движения. Право на выживание имеют лишь те

идеи, которые готовы вращать в реальность, не раскалывая ее на естественную и искусственную. Передозировка утопического, подавление естественного, жесткое и однонаправленное действие, игнорирующее жизненные реалии и накопленную инерцию, оказываются причиной трагедий и неудач, которые обесценивают собственно утопию, порождая характерное пренебрежительное и негативное к ней отношение. Корректно, грамотно воплощенные утопии быстро перестают считаться таковыми и, напротив, те проекты, которые постигла неудача, навеки остаются утопиями.

Присутствие утопий, потребность в утопиях, столкновение и конкуренция утопий – норма интеллектуальной и духовной жизни, неременный компонент информационной среды. Угрозы и риски возникают, если утопическая идея становится доминантной, и в этом статусе начинает превращаться в реальность. Простота и безальтернативность, столь привлекательные и теоретически, и с позиции власти, на практике стремительно порождают нечто противоположное ожиданиям, причем не только в самой жизни, но и в сознании. Результатом размышлений, наблюдений и оценок становится «антиутопия», как продолжение утопии, ее «выворотка» и мыслительная трансформация. То, что в литературе описано Замятиным и Оруэллом, а в архитектуре Аркигрэмом и Аркизумом, становится не инструкцией, а предсказанием и предостережением, призывом думать о последствиях, в сравнении с которыми естественная, в том числе капиталистическая, реальность, не выглядит столь удручающей.

Чистые, лишённые посторонних примесей, прямые и простые утопические конструкции сравнимы с сильнодействующими лекарствами, которые в концентрированном виде представляют очевидную угрозу и способствуют выздоровлению лишь при правильной дозировке. Экстремизм, виртуальный и интеллектуальный, экстремизм отцов и создателей утопий понятен и объясним. Куда менее невинен экстремизм исполнителей, одержимых утопическими идеями. Именно их усилиями любая утопия способна стремительно превратиться в свою противоположность. Неизбежным сопровождением и результатом жестких искусственных шагов становилась антиутопическая реальность – черный рынок, уголовная преступность, административные нарушения, стагнирующие города, вымирающие деревни, трущобы и землянки, окружающие даже особо культивируемый советской властью Соцгород. Социалистический мир упорно воспроизводил собственную тень в виде подпольной экономики и неофициальной культуры, масштабы и влияние которых лишь усиливались по мере успешного движения к светлому будущему. Чем радикальнее утопия, тем обширнее оказывается ее тень, сложная, мозаичная и подвижная реальная антиутопия.

Утопия и антиутопия сосуществуют как мирно, так и конфликтно, порождая неминуемый распад реальности и шизофреническое раздвоение сознания на официальное и неофициальное, бытовое, теневое, частное. Это сознание, эта реальность, ставшие нормой, жестко объединили утопию и антиутопию, обеспечивая парадоксальную системную устойчивость целого.

Утопизм, связанный с интеллектуальными усилиями с предчувствием и прозрением, с проектированием и конструированием, утопизм как явление общественного сознания известен и распространен не только в России, но Россия стала первой страной победившего утопизма, утопизма определявшего жизнь миллионов людей на протяжении семи десятилетий, утопизма без временных и пространственных границ, утопизма, видевшего себя единственным источником и способом правильного устройства жизни всего мира.

Впервые в человеческой истории объектом, над которым ставится жесткий утопический эксперимент, оказалось не локальное сообщество, не секта, не воинское подразделение, даже не отдельная деревня или город, а страна, а затем группы стран именуемые «соцлагерем» и «соцсистемой».

На протяжении 73 лет существования СССР на его просторы последовательно одна за другой сменились три умозрительные версии идеального социалистического мира, построенные на марксистско-ленинской догматике. Выживание системы поддерживалась ценой периодических изменений, коррекцией ее модели, сопровождавшейся сменой властных институтов и текущей политики. Как бы ни выглядела при этом очередная версия утопии, ее официальная модель, как бы ни менялись ее стилистика, детали и внешность, она оставалась единственной, жесткой и безальтернативной.

Первая советская утопия приходится на период военного коммунизма, НЭПа и первой пятилетки, завершившийся кризисом начала-середины 1930-х годов. Время второй утопии – это время «Большого террора», Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Третья утопия, пришедшая с хрущевской оттепелью и продолженная брежневским застоем, была похоронена горбачевской перестройкой.

Парадокс советского социализма заключался в том, что самые передовые, обаятельные, правильные, научно-обоснованные, гарантирующая прорыв идеи и модели, став инструментами власти, ее жесткой, радикальной, бескомпромиссной политики, часто утрачивали и первоначальный смысл и прежние очертания. Советская утопия собственной адаптации и трансформации всегда предпочитала изменение в своих интересах существующего контекста, изменение общества и человека, счастье которых трактовалось весьма специфично.

У утопий есть авторы и адепты, есть те, кто порождает идеи и те, кто их воплощает, владеет властью и ее инструментами. Советские утопии сочинялись романтиками, а воплощались прагматиками, наделенными абсолютной властью. Система управления экономикой и обществом, которая впоследствии получила наименование «командно-административной», напоминала управление в условиях войны или «чрезвычайной ситуации». Нечто, в других обстоятельствах считавшееся чрезвычайным, при следовании утопическому сценарию оказывалось нормой. Вся советская история, предъявляемая как последовательная экспозиция трех утопий, может рассматриваться и как чередование сходных по времени этапов подготовки к войне, собственно войны и послевоенного восстановления. Выражения, вроде «страна – военный лагерь», «соцлагерь» и тому подобные, ощущались не метафорами, но констатациями.

Советская утопия с первых по последние дни ее существования, за исключением краткого периода НЭПа и сходных эпизодов, была декларативно противостественна и контркультурна. Социальная революция и последующая культурная революция имели целью полностью изменить лицо общества и облик окружающего пространства. Экспроприация и национализация земли и недвижимости, промышленности и торговли, ликвидация институтов гражданского общества, контроль над потреблением, над частной и семейной жизнью, централизация власти, ее сосредоточенность в руках государства и околосударственных структур – все, что внутри страны обозначалось некими эвфемизмами, вроде «советской власти» или «диктатуры пролетариата», а критиками и недругами считалось тоталитаризмом, всё это не подлежало пересмотру и оставалось незбылемым.

Практика воплощения советской утопии оказывается тесно связанной с культом революции, насилия, диктату-

ры, с принципом «революционной», то есть отвечающей утопической модели, «целесообразности». Новая этика – этика революционного поведения, революционных отношений полностью опрокидывала, переворачивала привычную систему ценностей, складывавшуюся столетиями. Эстетика революции и коллективного действия, эстетика борьбы, противостояния, конфликта, разрешавшегося неминуемой Победой, триумфом и торжеством, вытеснила и традиционные этические нормы. В создании новой эстетики, эстетики другого, утопического мира, предпочитавшего яркие и сильные жесты, самое деятельное участие принимали художники и архитекторы, имевшие в лице власти и единственного заказчика, и единственно-го покровителя.

После установления политического контроля именно пространственный компонент утопии, вбирающий ее материальное, вещественное, физическое обеспечение, т. е. нечто видимое, реальное, способное быть предъявленным наяву, вызывает больший интерес власти, чем мобилизующие лозунги, декреты и теоретические труды. Власть и вожди обнаруживают чрезвычайную чувствительность не только в отношении используемых инструментов и средств, но и ко всем внешним, декоративным признакам и атрибутам своего присутствия. Все, что создавалось усилиями деятелей науки, техники и культуры, становилось предметом особой заботы и особого контроля.

Семь десятилетий симпатии создателей всех советских утопий, несмотря на их очевидные различия, принадлежали Большому городу и Великим стройкам. Малое, тем более частное и индивидуальное, вытеснялось за пределы утопического мира. Первым и главным городом была столица – Москва. Равенство и утилитаризм внутри советских прокоммунистических утопий замечательно уживались с жесткой иерархической организацией пространства и общества, с особой ролью Столицы, Главного дома и главной святыни страны в виде Дворца Советов.

Специфический характер утопии, противопоставленной и противостоящей несовершенному окружению, предпочитающей нечто обратное реальности – вывернутую реальность, делал почти неизбежным обращение к опыту оппонентов и конкурентов. Характерный односторонний информационный обмен с Западом, практически отсутствовавший или жестко регламентированный в политической сфере и идеологии, в дозированной форме присутствовал в культуре и вполне поощрялся в науке и технике. Архитекторы, в отличие от своих собратьев-художников, не столь близких к технике и науке, на протяжении всех семи советских десятилетий, включая эпоху освоения классического наследия, также имевшего не вполне местные корни, владели достаточно полным представлением о том, что творится за рубежом.

Первая советская утопия воспользовалась открытиями европейского и русского авангарда, антибуржуазного искусства дореволюционного времени. Вторая, сталинская утопия активно осваивала сформировавшийся к тому времени язык европейского и американского ар-деко. Послевоенный хрущевский модернизм обнаруживает отчетливые признаки сходства с тем, что незадолго до того появилось в Англии и Франции. Черты сходства и следы заимствований бывают особенно заметны в момент рождения новой утопии. Спустя некоторое время эти заимствования быстро адаптируются, трансформируются, переводятся на собственный советский язык и почти полностью утрачивают связь с первоисточником, его культурными корнями и базовыми смыслами.

Каждая из советских утопий при ближайшем рассмотрении являет собой достаточно вольную интерпретацию отвлеченной, полуабстрактной стратегической концеп-

ции коммунистического и социалистического мира. Этому миру надлежит оставаться в будущем времени, тогда как реальность определяется тактической или практической версией утопии, представляющий интерпретацию или адаптацию утопического идеала. Именно адаптированные утопии определяют реальную политику власти. При этом они также отличаются от стратегического идеала как социализм великих утопистов от социализма «в одной, отдельно взятой стране» или от «реального социализма».

С первого по последний день формально декларируемой целью советской власти было построение идеального справедливого мира, чему упорно мешали актуальные и насущные вызовы. Тактическая, практическая советская версия утопии, возникшая под грузом проблем и обстоятельств, резко смещает акценты с темы равенства и всеобщего блага на тему специфических условий обеспечения блага в виде победы над внешним и внутренним врагом. Абстрактная цель построения светлого будущего трансформируется в конкретную цель достижения неограниченных властных полномочий через устранение несогласных. В соответствии с этими представлениями основой планируемого пространственно-временного порядка становится все то, что отвечает интересам оборонной промышленности и силовых структур. Главные опорными точками, чагами, узлами советского пространства становятся гиганты энергетики, тяжелой и добывающей индустрии. Все остальное – все, что относится к социальной сфере, сельхозпроизводству, легкой промышленности, сфере услуг – организуется «по остаточному принципу».

Устойчивой чертой «практического утопизма» является доминирование целей на средствами, «мобилизационный» сценарий, лозунги «за ценой не постоим» и «лес рубят – щепки летят», предполагавшие оправдание любых мер и затрат. Огромная страна рассматривалась как источник безграничных ресурсов для безусловного достижения тактических целей.

На практике процесс воплощения утопии приходилось постоянно соотносить с ограниченными материальными возможностями, финансовым, сырьевыми, кадровыми и т. п. Проблема ограниченности средств, ресурсообеспечения гигантских проектов, породила феномен плановой общенациональной экономики, жесткого контроля над всеми ресурсами, включая пространственные и временные. Плановое управление оказалось делом непростым. Ресурсы в конечном счете предстали не инертным материалом, а носителями вполне определенных естественных признаков, не спешащих откликаться на отвлеченные идеи и требования. Разрыв между целями и средствами, который долгое время сглаживался и залечивался усилиями институтов планирования, в конце концов оказался непреодолимым.

В генетическом коде советских утопий не была заложена способность к эволюции и саморазвитию. Менялись окружение, менялся контекст и естественный фон, но не менялась сама утопическая модель. Попытки проведения реформ, от НЭПовской до «косыгинской», неизбежно проваливались. Результатом становились системные кризисы и запоздалые латентные революции, в итоге которых изменялись не столько социально-экономические компоненты утопии, сколько компоненты пространственные, не столько сущности, сколько внешне признаки и атрибуты. Менялись эстетика, культурные предпочтения, архитектура зданий, лозунги, имена вождей. Прежние доктрины и модели объявлялись ошибочными, становились запрещенными и гонимыми, а произведенный ими материал, включая книги, фильмы и дома автоматически пополнял багаж антиутопии.

Советские утопии были извлечениями из будущего, перенесенными в сегодня и прямой противоположностью прошлому, сложившемуся порядку, в первую очередь ближайшему, предшествующему прошлому, которое ассоциировалось с «буржуазным», «мелкобуржуазным», «капиталистическим», «оппортунистическим», «троцкистским», отмеченным «культом личности» и так далее. Прямых следствием такого пространственного регулирования оказывалось отсутствие преемственности и последовательности развития, разрыв ткани поселений, рассогласованность и неупорядоченность.

Российский город несет на себе отчетливые следы сменявшихся, перечеркивающих друг друга трех советских слоев, каждый из которых распадается на вполне официальную, представительскую, лицевую, видимую часть и неофициальную, или полуофициальную, представленную надстройками, пристройками, перестройками, землянками, бараками и труппами. Параллельно продолжал существовать замороженный, законсервированный дореволюционный слой. Итогом последовательной реализации утопических моделей, каждая из которых начиналась с чистого листа и полностью исключала связь с предшествующей моделью, стала очевидная фрагментированность пространства. Незаконченные, незавершенные и не связанные друг с другом образования, трудно считаваемая логика их локализации, несклонность к достижению целостности на основе направленных многолетних сопряженных усилий – следствие победы утопий над естественной природой обитаемого и обживаемого пространства, следствие направленного и упорного разрушения культуры его формирования.

В отличие от канонических и хрестоматийных утопических моделей, освященных именами их авторов и изложенных в неких текстах, с картинками или без, официальные советские утопии не были предъявлены сходным образом: они не присутствуют в виде одного непротиворечивого и исчерпывающего документа, содержащего, в частности, описание пространственной организации общества. Советские политические утопии, стройные и последовательные, были плодом анонимного коллективного творчества, предъявленного вождю и освященного именем вождя, принимающего или отвергающего конкретные версии, подробности и детали утопического мира. Эта удивительная смесь явного и скрытого, коллективных заблуждений и персональных пристрастий, слов и изображений, является, тем не менее, вполне целостным, систематизированным и осмысленным материалом, из которого можно воссоздать советскую утопию, одновременно признаваемую и непризнаваемую таковой.

Вербальный, нарративный портрет утопии обычно складывался из документов трех уровней: базовых основополагающих декретов и постановлений партии и правительства; нормативных документов вроде СНИПов и СанПИНов, разрабатываемых по заказу органов исполнительной власти и, наконец, из массива критических, аналитических, сопровождающих, поддерживающих и истолковывающих публикаций.

Все три советские утопии оправдывались близкой, почти неотличимой риторикой, утверждением подлинности и верности идеалам. Их характеризовали скорее вторичные, на первый взгляд не столь важные, внешние черты и эстетические предпочтения. Но именно эти черты и признаки, нечто содержащееся в конкретных решениях, видимое и зримое, в отличие от туманных и расплывчатых слов, вызывали особую реакцию власти, обнаруживая ее предельную чувствительность в отношении того, как выглядит ее лицо. Каждая советская утопия предстала в виде завершенной художественной системы, существенный, если не решающий, вклад в формирование которой принадлежал архитекторам. Это

и определяло роль и место архитекторов и архитектуры в советском мире.

Драматичные трансформации города сопровождались не менее драматичными изменениями облика профессии, демонстрировавшей как склонность к сервильности, так и высокое ощущение миссии. Возникшее на рубеже XIX и XX столетий, укоренившееся в сознании российских архитекторов и художников романтическое ощущение социальной ответственности, причастности к великому будущему, и даже необъяснимое чувство исключительности не были изжиты и подавлены, несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на долю профессии. За 70 лет Советской власти архитекторам последовательно было отказано сначала в праве на собственное мировоззрение, собственное видение будущего, затем в праве на свободный выбор художественного языка, наконец в праве на имя и принадлежность к культуре и художественной практике. Тем не менее, фантомное переживание причастности к великой профессиональной миссии оказалось преодоленным и почти забытым лишь с наступлением XXI столетия.

Идеи радикального переустройства мира ушли в прошлое и надолго лишили власть и общество интереса к какому-либо стратегическому плану и картинам будущего. Борьба утопии и антиутопии завершилась победой последней, причем в самой наивной и разочаровывающей ее редакции. Кризис утопизма обернулся отказом от попыток разумного регулирования процессов пространственного развития, попыток стратегического планирования на основе видения будущего. Очевидной, но вовсе не обязательной реакцией на неудачные опыты прошлого стали агрессивный прагматизм и практика стихийных действий по принципу «здесь и сейчас».

(Продолжение в следующем номере)

Литература

1. Иконников, А. В. Утопическое мышление и архитектура: Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. – Москва: Изд-во «Архитектура-С», 2004. – 400 с.
2. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: В двух томах. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001–2002
3. Аурели, П. Возможность абсолютной архитектуры. – М.: StrelkaPress. 2014
4. Archigram, Peter Cook, Princeton Architectural Press, 1999

References

- Aureli, P. (2014). *Vozmozhnost' absolyutnoi arkhitektury* [The possibility of an absolute architecture]. Moscow: StrelkaPress.
- Cook, Peter. (1999). *Archigram*. New York: Princeton Architectural Press.
- Ikonnikov, A. V. (2001–2002). *Arkhitektura XX veka. Utopii i realnost'* [Architecture of the XX century. Utopias and reality]. In 2 volumes. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Ikonnikov, A. V. (2004). *Utopicheskoe myshlenie i arkhitektura: Sotsialnye, mirovozzrencheskie i ideologicheskie tendentsii v razviti arkhitektury* [Utopian thinking and architecture: Social, worldview and ideological trends in the development of architecture]. Moscow: Izd-vo "Arkhitektura-C".